

3. Попков Н.В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения. Автореф.диссерт.на соиск.уч.ст.канд.юрид.наук. Н.-Новгород. 2007.

4. Ткачёва Н.В. Соотношение понимания уголовно-процессуального принуждения в XIX – XXI вв. // Материалы международной научной конференции посвящен-

ной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11-12 октября 2007 г. СПб. 2007.

5. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе. Автореф. диссерт.на соискание ученой степени докт. юр.наук. М. 2007.

ABOUT THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION THE SUSPECT IS DETAINED

© 2014

Vershinina S.I., candidate of Juris Sciences, associate Professor
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: the article considers the inconsistency of legal norms regulating the grounds of criminal procedure of detention of the suspect, appearing before the criminal case. The necessity of selection of the criminal-procedural legislation of the new independent legal detained by the police - the police detention. Considers the basis of police detention and the General provisions of its application.

Keywords: the detention of the suspect, the reason of the arrest, police detention, seizure, delivery, the suspect is detained, the detention period, the legal detention.

УДК 341

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ ОШИБОК

© 2014

Гогин А.А., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в представленной статье рассматривается ряд аспектов, связанных с ошибками в правоправедении и формулируются соответствующие выводы, характеризующие данное сложное явление.

Ключевые слова: закон, ошибка, практика, экстремизм, последствия, причина, условие, ответственность, правонарушение, общество, государство, конфликт.

Анализ отечественных законов и научной литературы говорит о том, что проблемы ошибок в правоправедении представляет собой многоплановое и противоречивое явление, имеющее важное социальное значение. Однако в силу ограниченности объема публикации, остановимся на отдельных моментах, касающихся некоторых сторон данного предмета.

Прежде всего, отметим, что ошибки содержатся в деятельности всех звеньев правотворческой системы (федеральное и региональное законодательство, нормативные акты местных органов власти). Ошибки свойственны работе правоприменительных органов (дознание, предварительное следствие, прокуратура, суд). Ошибки совершаются юридическими лицами (организациями) при решении ими определенных правовых задач в коммерческих, предпринимательских, финансовых или иных сферах и, конечно, многочисленные ошибки присущи физическим лицам (гражданам).

Весьма условно, такие просчеты можно разделить на три уровня, где критерием разграничения выступают степень отрицательного воздействия на духовную, нрав-

ственную, политическую, экономическую, культурную, религиозную и другие области современной общественной жизни, а также объем вреда, причиняемого правам, свободам и сугубо частным интересам отдельных лиц и организаций.

«Существование ошибки в правоправедении неотделимо от функциональной роли, которую она играет в системе правовых категорий. Этот практический аспект юридической формализации общенаучной постановки проблемы ошибок способствует эффективному обнаружению и фиксации случаев проявления ошибки в различных видах правовых отношений и профессиональной юридической деятельности», - подчеркивает А.Б. Лисюткин [1]. По мнению В.М. Ведяхина и А.Ф. Галузина, ошибка вытекает из неправильного применения права и толкования правовых норм, обусловленных неточностью законодательных формулировок, коллизией правовых норм, отсутствием механизма реализации того или иного нормативного акта, низким профессиональным уровнем, а зачастую пренебрежительным отношением к требованиям норм и др [2].

На наш взгляд, сложившееся положение объясняется несколькими моментами:

- во-первых, любая профессиональная деятельность, высокий уровень знаний и наличие специальной подготовки, не гарантируют различных субъектов социальных отношений от каких-либо правовых ошибок;

- во-вторых, накопление человеком соответствующих знаний достаточно часто осуществляется эмпирическим опытным путем, проведением экспериментов, т.е. методом проб и ошибок;

- в-третьих, во многих ситуациях только такой путь считается обязательным и неизменным условием творческого процесса и прогресса в целом, вне зависимости от направления поиска и поставленных целей.

Ошибки первого уровня. Именно для законотворческой деятельности рассматриваемые проблемы наиболее злободневны, поскольку последствия допущенных просчетов могут быть непредсказуемыми, имеющими широкомасштабный охват, прямым и непосредственным образом наносящими существенные потери благу и интересам основных слоев российского населения. Вредность законотворческих ошибок также заключается в том, что они порождают правовой нигилизм и неуважение к закону; разрушают систему конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина; нивелируют его веру в законность, справедливость и гуманность властных решений.

Особый урон от законотворческих ошибок может выражаться в том, что нередко протестные настроения в обществе переходят в открытые формы противостояния с государством. Здесь достаточно вспомнить последствия, осуществленной несколько лет назад, так называемой «монетизации» льгот пенсионеров нашей страны, вызвавшие резкое неприятие данной категории граждан.

Поэтому ведущая роль в предотвращении развития событий по подобному сценарию отводится органам и структурам, обладающим правом законодательной инициативы и представляющим соответствующие проекты для рассмотрения в Государственной думе. Однако состояние дел в данном направлении является сложным и неоднозначным. Значительное количество законопроектов, поступающих от субъектов Российской Федерации, отклоняются Государственной Думой при рассмотрении в первом чтении, поскольку разнообразные правотворческие ошибки являются очевидными.

Причины, приводящие к таким результатам носят объективный и субъективный характер:

- к объективным причинам следует отнести сложность самого правотворческого процесса, многоаспектность действий законов, динамичное изменение и усложнение современных социальных отношений, возникновение новых, ранее нормативно неурегулированных общественных связей, активное воздействие различных негативных факторов, возникающих как внутри страны, так и имеющих внешнюю природу;

- к субъективным причинам относятся популистские идеи и представления; принятие законов, имеющих чисто декларативное содержание или конъюнктурную направленность; нарушение принципов научности, обоснованности и исполнимости нормативно-правовых решений.

В частности, говоря о последнем принципе, подчеркнем, что он отражает обязанность представительного органа власти при подготовке какого-либо закона все-

сторонне учитывать весь спектр финансовых, организационных, кадровых, юридических условий и возможностей, позволяющих его реальному претворению в жизнь. В противном случае, очередной акт, не подкрепленный означенной базой, заранее обречен на провал.

Необходимо признать, что в российских условиях существенную роль в принятии законов, имеющих узкую, нередко, сугубо ведомственную или корпоративную направленность, а не конкретные интересы подавляющей части российского общества имеет лоббизм во всех его видах. Специалисты рассматривают данную форму поведения как мощный и эффективный инструмент для достижения или отстаивания политических, экономических и иных целей.

«Лоббизм - явление современной политико-правовой жизни, подразумевающее активную деятельность любых заинтересованных лиц (как физических, так и юридических) по отстаиванию и представлению своих интересов на различных уровнях власти с целью оказания влияния на принимаемые решения», - отмечают А.В. Малько и В.В. Субочев [3]. «Характеристика нынешнего состояния российского законодательства, процессов, идущих в нем, свидетельствует: правотворчество – это сфера социальной борьбы, а законодательный орган – это один из ключевых социальных институтов, где эта борьба осуществляется с такой силой и страстью», - говорил А.Б. Венгеро [4].

«От правотворческих ошибок следует отличать правотворческие нарушения, состоящие в намеренном принятии законодателем неправильного решения при конструировании правовых норм, вызванном давлением со стороны исполнительной власти, оппозиции, средств массовой информации, криминалитета или в силу распространенности и допустимости коррупции», - констатирует П.Н. Панченко [5].

Для предметной иллюстрации проанализируем только отдельные просчеты, имеющие место в отечественной практике, которые существенно снижают юридический потенциал и эффективность российского законодательства в целом.

По нашему мнению, явной ошибкой является закрепление в гл. 7 Конституции РФ «Судебная власть» ст. 129, определяющей статус прокуратуры РФ по своему назначению, принципам организации и деятельности, формам и методам работы, занимающей в ряду государственных органов страны самостоятельное место, независимое от судебной системы.

Так, согласно ст. 1 ФЗ РФ от 17 ноября 1995 г. «О прокуратуре Российской Федерации» [6] данная единая федеральная централизованная система осуществляет от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории нашей страны. Соответствующую работу по выявлению и устранению различных нарушений, восстановления нарушенных прав прокуратура выполняет в целях обеспечения верховенства закона, единства, соблюдения и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В частности, независимость прокурора по отношению к судебной власти подчеркивает содержание ст. 36 Закона, где указывается, что прокурор или его заместитель в пределах своей компетенции полномочен вносить

в вышестоящий суд кассационный или частный протест либо протест в порядке надзора, а в арбитражный суд - апелляционную или кассационную жалобу либо протест в порядке надзора за незаконное решение, приговор, определение или постановление суда.

Таким образом, несмотря на то, что в Конституции РФ прокуратуре уделено очень скромное место, более развернутое содержание ее полномочий необходимо было сформулировать и закрепить в отдельной главе Основного закона российского государства.

В последние десятилетия прошлого века в российском обществе и государстве прочно укоренилась мнение, в силу которого понятие «экстремизм» трактуется только в негативном контексте, что на самом деле представляет собой глубоко распространенное заблуждение. По своей сущности этот термин означает лишь приверженность к крайним взглядам не только в политике, но и в повседневной жизни, в общении и культуре, в ином поведении отдельного индивида в противовес установившимся традициям, нравственным ценностям и этическим нормам.

Подобное, «бытовое» проявление экстремизма отличается категоричностью суждений, неприятием мнений оппонента, поскольку собственная позиция рассматривается и оценивается субъектом как единственно верная и не вызывающая сомнений. Развитие у человека крайних взглядов по отношению к какому-либо объекту может быть вызвано наличием самых различных причин, в том числе неудовлетворенностью собственным положением.

Например, международная история рабочего, молодежного, национального и иного движения показывает, что в подобных ситуациях власть зачастую занимает одностороннюю, непродуктивную позицию, применяя силовые методы для разгона митингов, демонстраций и забастовок.

Так, на основании ст. 31 Конституции РФ граждане страны имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Одновременно в п. 4 ст. 37 сформулировано право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку, понимаемой как временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового договора (ст. 398 ТК РФ).

Указанные формы поведения есть не только способ выражения своей воли и мнений, в том числе и отличающихся резкостью требований, крайними позициями, но и содержат в себе известные элементы фактически законно разрешенного экстремизма.

Поэтому, вызывает сомнения не только наименование и содержание, но и вообще необходимость наличия ФЗ РФ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [7]:

во-первых, в нем юридически точно не определен экстремизм, как преступление, в силу многообразия его выражения;

во-вторых, уголовная ответственность за конкретные действия, направленные на разжигание социальной, национальной, религиозной и иной розни, уже предусмотрена нормами УК РФ;

в-третьих, параллельное существование сходных условий в двух законах, так или иначе, содержащих обращение

к одной и той же проблеме, представляется спорным.

Напомним, что в девяностые годы не удалось определить как преступление приверженность представителей ряда социальных движений к идеологическим и политическим течениям по типу фашизма, поскольку данное явление имеет разное выражение: это и идеология, и политическая активность, и организационные формы, проявляющиеся не только в поведении граждан и организаций, но и в действиях (бездействии) отдельных субъектов мирового сообщества на уровне государственной и национальной политики.

Весьма неоднозначным, содержащим в себе серьезные ошибки, в том числе и исторического характера, представляет собой содержание ФЗ РФ от 12 января 1995 г. «О ветеранах» [8]. Прежде всего, в нем отсутствует четкие формулировки понятий «воин-интернационалист» и «воин-ветеран», поэтому неясно кто считается участником боевых действий:

- военнослужащий, лично участвовавший в боевых операциях и столкновениях;

- тот, кто, формально не участвуя в боях, подвергался постоянной опасности, работая в вооруженных силах воюющего государства;

- тот, кто хотя бы один день провел в стране, где велись боевые действия, будучи командированным по различным основаниям.

«Даже при беглом анализе официальных документов бросается в глаза их определенная противоречивость, какая-то корпоративная замкнутость их составителей. Перечень боевых действий зачастую ограничивается днями, хотя как показывает опыт, после прекращения огня и до официального мира проходят месяцы, а иногда и годы, в течение которых сохраняется напряженность и гибнут люди», - говорится в одной из коллективных исследовательских работ [9].

Действительно, согласно п. 1 ст. 3 Закона, ветеранами боевых действий, признаются «военнослужащие, в том числе уволенные в запас (отставку), лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и государственной безопасности, бойцы и командный состав истребительных батальонов, взводов, отрядов защиты народа, участвовавшие в боевых операциях при выполнении правительственных боевых заданий на территории СССР в период с 10 мая 1945 года по 31 декабря 1951 года».

Однако фактически борьба с остатками националистического подполья в западных областях Украины и прибалтийских республиках продолжалась еще длительное время. В своей обширной работе А.И. Колпакиди отмечает, что только в 1956 г. органы госбезопасности изъяли 6 пушек, 3 миномета, 37 пулеметов, 172 автомата, 756 винтовок, 1122 пистолета, 346 гранат, свыше 51 тысячи патронов, 56616 снарядов, мин, авиабомб и 180 кг взрывчатки [10].

Не вызывает сомнений тот факт, что указанное изъятие проходило в условиях проведения специальных операций, но, согласно букве анализируемого закона, привлекаемые к ним военнослужащие, не считаются участниками боевых действий.

Авторы цитируемого издания также задают вопрос, почему участники чехословацких событий 1968 г., лишены права быть ветеранами, хотя в это же время участники венгерских событий 1956 г. по классификации конфликтов, аналогичных чехословацким, справедливо носят

высокое звание воинов-интернационалистов. Между тем, в приказе Министра обороны СССР № 242 от 17 октября 1968 г. всем военнослужащим, находившимся в тот момент в Чехословакии, объявлялась благодарность за отличное выполнение боевой задачи и своего интернационального долга.

Не вызывает сомнения, что означенные законодательные условия продиктованы политическими, сугубо конъюнктурными соображениями, с оглядкой на западное общественное мнение, в свое время осудившее подавление «пражской весны». Для сравнения, еще в середине девяностых годов прошлого века, согласно закону, принятому в Украине, все граждане этой страны, принимавшие участие в чехословацких событиях, без каких-либо оговорок, признаны ветеранами боевых действий.

Из вышеуказанного отечественного закона вычеркнута гражданская война в Никарагуа, хотя в приказах Министерства обороны СССР четко указывалось, что находившиеся там советские солдаты и офицеры принимали непосредственное участие в боевых действиях. Нормативно-правовые условия не распространяются и на участников Карибского кризиса 1962 г. (более 40 тыс. человек), и на многочисленных советских специалистов в течение почти 8 лет находившихся под огнем в составе иракской армии во время ирано-иракской войны в 80-х годах прошлого века.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, когда за политические ошибки высшего партийного и государственного руководства СССР определенное бремя ответственности возложено на бывших воинов Советской Армии, с честью выполнивших свой воинский долг.

Если обратиться к положениям ФЗ РФ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [11], то, несмотря на многолетнюю работу над ним, закон не отвечает социальным запросам и ожиданиям по причине своей декларативности и отсутствию конкретных, четко сформулированных мер, связанных с реальным противодействием указанному виду негативного поведения.

В частности, содержание ст. 13 «Ответственность физических лиц за коррупционные правонарушения», имеет сугубо отсылочный характер и лишь декларирует, что граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с отечественным законодательством.

«Анализ проблемы ошибок в различных отраслях знания показывает, что во всех случаях проявления ошибки обнаруживаются противоречия двух типов – это либо несостоятельность официально провозглашенных целей и ценностей. Либо несоответствие наших знаний объективной истине в каждом конкретном случае. Поэтому ошибки никогда не бывают только отрицательным результатом, а содержат и положительный момент», - говорит А.Б. Лисюткин [12].

Ошибки второго уровня имеют более низкую степень негативного воздействия, хотя и могут касаться блага и интересов значительной части физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций). Как правило, определенные просчеты подобного рода наступают из-за неправильного применения норм, связанных с неточностью и расплывчатостью законодательных формулировок, коллизией и, безусловно, низким уровнем

профессиональной подготовки специалистов правоприменительных органов и иных властных структур.

В частности, одна из распространенных правовых ошибок заключается в том, что как в ходе предварительного расследования, так и при рассмотрении того или иного дела в суде следователь и суд занимают одностороннюю позицию, связанную с обвинительным уклоном без тщательного исследования всех требуемых обстоятельств. В подобной ситуации определение меры ответственности даже в рамках санкции соответствующей статьи, но без должного учета личностных особенностей и характеристики обвиняемого, представляет собой серьезную ошибку.

«Излишняя мягкость или чрезмерная суровость наказания, так же как не вполне продуманные условия его исполнения – брак в работе правосудия. В этих случаях весь позитивный потенциал юридической ответственности не просто сводится на нет. Он превращается в свою противоположность, и тогда все рассуждения о справедливости не только конкретной меры ответственности, но и самого института юридической ответственности теряют всякий смысл. Тем самым дискредитируется его социальная обусловленность» [13].

Следует напомнить, что в подобном обвинительном аспекте во второй половине прошлого века реализовывались меры наиболее жесткого нормативного акта того времени: Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», принятого во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка» и определившего генеральную линию уголовной политики в Советском Союзе на ряд последующих лет.

Характерной особенностью данной категории дел являлось то, что в отношении лиц, виновных в хулиганстве избиралась только одна мера пресечения - арест. Материалы, предусматривающие уголовную ответственность по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, оформлялись по упрощенной процедуре без возбуждения уголовного дела и протоколов допросов, лишь на основании письменных объяснений сторон и в десятидневный срок направлялись в суд, как правило, приговаривавшего виновного к одному году лишения свободы.

Тем не менее, статистические данные показывают, что жесткие карательные меры не привели к резкому снижению хулиганства в нашей стране, а способствовали тому, что сотни тысяч ранее не судимых граждан прошли через тюремные «университеты».

Обращение к литературным источникам и правоприменительной практике позволяет утверждать, что именно соблюдение принципа всестороннего, полного и объективного исследования дела представляет собой гарантию реального установления истины и способствует снижению ошибок второго уровня.

Так, всесторонность исследования обстоятельств дела в ходе предварительного следствия требует выдвижения и исследования всех возможных версий о характере события, имеющего признаки преступления и о виновности определенного лица. Наиболее тщательно выяснению и проверке подлежат обстоятельства как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его.

В свою очередь, полнота исследования дела означает

выяснение всего круга фактических обстоятельств, могущих оказать существенное влияние на решение дела и, безусловно, необходимо творческое использование совокупности доказательств, обосновывающей сделанные следователем выводы в качестве единственно верных, не оставляющих места сомнениям и догадкам.

Объективность исследования обстоятельств дела означает установление и оценку их в точном соответствии с действительностью, обязывая следователя быть непредвзятым и не впадать ни в обвинительный, ни в оправдательный уклон. Одновременно выводы и принимаемые решения призваны базироваться на всей совокупности данных о содеянном и личности обвиняемого. Именно на этих условиях в каждом конкретном случае основывается успешное достижение целей юридической ответственности.

Говоря об этих условиях, необходимо отметить, что в п. 1 ст. 20 УПК РСФСР прямо подчеркивалось, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства.

Остановимся на анализе положений, связанных с применением отдельных норм УПК РФ, вступившего в действие в 2001 г. и подвергнувшегося за прошедшие годы внесению несколько сотен изменений и дополнений различного характера. В настоящее время в п. 4 ст. 7 УПК РФ лишь кратко отмечается, что определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. По нашему мнению, означенную статью необходимо дополнить положениями, обязывающими вышеуказанных должностных лиц к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела.

Одновременно заслуживают поддержки правила п. 4 ст. 29 УПК РФ, предусматривающего, что если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствующие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращает внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Следует отметить, что частное определение суда есть действенное средство по исправлению правовых ошибок, преследующего цели:

- выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, адресуемое должностным лицам соответствующих организаций, предприятий, учреждений;

- обращение внимания руководителей правоохранительных органов на нарушения закона, допущенные при производстве дознания и предварительного следствия должностными лицами конкретного подразделения;

- обращение внимания нижестоящего суда на нарушения, допущенные при рассмотрении дела нижестоящим судом.

Случаи правоприменительных ошибок могут объ-

ясняться многими причинами, чаще всего сложностью отдельных категорий дел. К ним, по мнению Ю.Н. Юшкова, относятся:

- деяния по своему характеру, находящиеся на грани преступного и неприступного;

- факты, когда налицо признаки необходимой обороны, крайней необходимости и другие реабилитирующие обстоятельства дела;

- когда при доказанности обвинения и наличии признаков состава преступления, в силу особенностей содеянного и личности виновного привлечение к уголовной ответственности нецелесообразно и можно ограничиться иными мерами воздействия;

- при наличии признаков превышения необходимой обороны, состояния аффекта;

- трудности доказывания умышленной или неумышленной формы вины;

- конкуренция простого и квалифицированного составов [14].

В известной мере, на устранение ошибок второго уровня направлено содержание ст. 237 УПК РФ «Возвращение уголовного дела прокурору». В статье подчеркивается, что судья по ходатайству сторон или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в суде, в случаях, если: обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований закона, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта.

Нарушение этого требования приводит к ошибкам, заключающимся не только в неприменении в отношении конкретного правонарушителя наказания наиболее приемлемого содеянному им и его личностным особенностям, но и в применении меры юридической ответственности, не соответствующей этим условиям, в оправдательном либо обвинительном уклонах.

На практике многие правовые ошибки возникают из-за несовершенства юридических правил. Так, налоговое законодательство не предусматривает института аналогии, как не совместимого с принципом законности, но, тем не менее, в отдельных положениях НК РФ его наличие прослеживается, ибо есть составы, закрепляющие налоговую ответственность, не только за прямо предусмотренные действия, но и за неуказанные: ст. 122 НК РФ «иное неправильное исчисление налога»; ст. 126 НК РФ «иные сведения», «иные акты», «иное уклонение»; ст. 111, 112 НК РФ «иная зависимость», «иные обстоятельства», «иные способы».

«По сравнению с относительной урегулированностью порядка налогообложения нормы, устанавливающие ответственность за нарушения налогового законодательства, содержат понятия (уклонение, сокрытие, занижение), не имеющие точного законодательного определения. Указанное обстоятельство позволяет органам налогового контроля истолковывать эти понятия по своему усмотрению и, исходя из этого, привлекать налогоплательщиков к ответственности», - отмечают В.Д. Ларичев и А.П. Бембетов [15].

Правовые ошибки низшего уровня допускаются юридическими лицами (организациями) и их должностными лицами, а также физическими лицами (гражданами) при решении различных вопросов, имеющих локальный или

личный характер и затрагивающих блага и интересы ограниченного числа субъектов [000]. В частности, такими ошибками могут быть: несоблюдение обычаев делового оборота (ст. 5 ГК РФ); нарушение письменной формы сделок и нотариально удостоверенных сделок (ст. 169-163ГК РФ), нарушения правил в области применения трудового, жилищного, семейного и иного отраслевого законодательства.

Выводы:

- ошибка в правоприменении есть пограничная с правонарушением форма поведения, являющегося правомерным до определенного момента, когда законодатель закрепляет его в качестве противоправного деяния;

- основное отличие ошибки в правоприменении от правонарушения состоит в том, что она представляет собой отклонение от правовых предписаний, совершенное тем или иным лицом без целенаправленного умысла;

- ошибка законодателя отличается от других правовых ошибок уровнем и масштабом негативных духовных, нравственных, политических, социальных, экономических и иных последствий в силу своего отрицательным воздействием на блага и интересы значительного числа граждан;

- ошибка правоприменителя есть нарушение законодательно установленных условий выполнения тех или иных процессуальных действий, повлекшее за собой определенные ущемления блага и интересов отдельных граждан или организаций;

- ошибка, совершенная юридическим лицом (организацией) или физическим лицом (гражданином), имеет локальный характер, затрагивая благо и интересы ограниченного числа лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лисюткин А.Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. Саратов: СГАП, 2001. С. 123.

2. Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. К вопросу о понятии правонарушения // Правоведение, 1996. № 4. С. 16.

3. Малько А.В., Субочев В.В. Лоббизм: проблемы правового регулирования. Пятигорск, 2003. С. 21.

4. Венгеров А.Б. Теория права и государства. М.: С. 38.

5. Панченко П.Н. Правотворческие ошибки в уголовном праве постсоветской России и пути их устранения. В сб. Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах. Мате-

риалы Международного научно-практического круглого стола (29-30 мая 2008 года). М.: Проспект, 2009. С. 1011.

6. СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

7. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

8. СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

9. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграф-ресурсы, 2000. С. 235.

10. Энциклопедия секретных служб России / Авт. — сост. А.И. Колпакиди. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига. С. 260.

11. Российская газета. 2008. 30 декабря.

12. Лисюткин А.Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-правовой аспект. Саратов: СГАП, 2001. С. 109.

13. Иванов А.А., Иванов В.П. Правонарушение и юридическая ответственность. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 69.

14. Юшков Ю.Н. Обвинительный уклон в уголовном процессе: предпосылки и последствия // Правоведение, 1994. № 1. С. 49.

15. Ларичев В.Д., Бембетов А.П. Налоговые преступления. М.: Экзамен, 2001. С. 78.

16. Оганесян В.В. Судебная ошибка как основание для отмены судебного акта и ее правовое воздействие в вопросе определения нарушений права на справедливое судебное разбирательство // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 170-175.

17. Герцог Т.Ю. Правовая функциональная грамотность и правовые наказания: аспекты соотношения // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 130-131.

18. Шевцов А.М. Психологический анализ причин коррупционных действий, связанных с ошибками в управлении человеческими ресурсами // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4 (24). С. 116-121.

19. Коростелева Л.А. Повышение качества профессиональной деятельности эксперта-бухгалтера на основе предотвращения ошибок экспертного исследования // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2012. № 2 (18). С. 104-108.

20. Изосимов С.В. Субъективная сторона получения и дачи взятки: уголовно-правовой анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4 (24). С. 35-41.

CRITERIA FOR CLASSIFICATION OF LEGAL ERRORS

© 2014

Gogin A.A., Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of Department “Entrepreneur and Employment Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: In this article discusses a number of aspects related to errors in jurisprudence and formulate appropriate conclusions that characterize this complex phenomenon.

Key words: law, an error, a practice extremism, consequences, cause, condition, liability, tort, society, state, conflict.